

Андрей Калинин

Зима кончается

РАССКАЗЫ

После прочтения становится теплее

Андрей Калинин

Зима кончается. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617106

ISBN 9785448329197

Аннотация

Книга для тех, кто ищет свой путь и верит, что любая зима рано или поздно кончается. 14 рассказов о самых разных людях: от первого номера списка «Forbes» до юного жителя острова Тристан-да-Кунья – самой отдаленной населенной точки Земли. Герои ищут свой, принимают важные решения, меняющие их жизнь, влюбляются, разгадывают загадки. Это истории, иногда похожие на современные притчи, обо всех нас: о мечтах, которые нас манят, о вопросах, на которые мы ищем ответы.

Содержание

Иван	5
Дерево	28
Астероид	39
Я хочу быть твоей собакой	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Зима кончается

Рассказы

Андрей Калинин

© Андрей Калинин, 2016

© Сергей Ура, дизайн обложки, 2016

Редактор Василий Криптонов

Корректор Антон Трофимов

Фото ладони на обложке Александр Варкентин

ISBN 978-5-4483-2919-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иван

Его звали Иван. У него была своя, собственножизненно, если можно так выразиться, выведенная, не похожая ни на что философия.

Родился Иван в Москве и рос весьма активным и любознательным мальчиком. Рано заговорил, быстро научился читать и писать. Уже в раннем возрасте у него проявились способности к точным наукам. Он любил анализировать и размышлять.

Семья его, кстати, была весьма состоятельной. Жили они в огромной двухуровневой квартире в престижном районе столицы. Ещё имелся прекрасный особняк в подмосковье, в который семейство иногда выбиралось летом и на новый год. Были ещё парочка квартир, какие-то земли, доли в ресторанах и прочих бизнесах, акции, ещё что-то... но на тот момент Иван, разумеется, всего этого не знал. О богатстве ему было известно по сравнительным впечатлениям, полученным с улицы и из телевизора.

Родители очень любили Ваню, но не могли уделять ему много времени, поэтому за ним присматривала няня. Няня была милая, но странная. Она была какая-то вся воздушная и потрясающе хорошая. Как бы мальчик ни шалил, она всегда оставалась спокойна и добра. Ещё она часто говорила о том, что их мир – это всего лишь небольшая часть Вселен-

ной. Что главная цель человека – это счастье. И самое странное – в этой жизни большого счастья не будет. Оно будет потом, в другом мире, и чтобы попасть туда, нужно быть добрым и хорошим.

Однажды, укладываясь в постель, Ваня спросил отца, почему няня такая странная.

Отец сказал:

– Да не обращай внимания, сынок. Она какая-то дзен-буддистка, что ли...

Иван хотел спросить отца, а что же такое «дзен-буддистка», но тот его перебил:

– Она тебе что-то плохое говорит?

– Да нет, – на миг призадумавшись, ответил Ваня.

– Ну, вот и хорошо, – сказал отец, поцеловал мальчика в лоб, потушил свет и ушёл читать документы.

Отец Ивана был членом правления одного из крупных банков. Он постоянно пропадал на работе, много ездил по командировкам, а когда был дома, то всё равно часто заседал в своём кабинете, листая какие-то бумаги. Ваня отца очень любил и много наблюдал за ним, когда тот был дома.

Исходя из разговоров родителей, редких гостей, телевизионных репортажей и общения с другими людьми в садике, а потом в начальной школе, Иван понимал, что его отец – богатый, влиятельный, преуспевающий и очень успешный человек. В то же время, дома отец часто выглядел поникшим и уставшим. Иногда он пил в своём кабинете, а когда все за-

сыпали, шатался по дому в поисках непонятно чего, постоянно запинаясь и цепляя столики, комоды и прочую мебель. Ещё во время таких хождений он сильно матерился. Пару раз Ваня даже видел, как отец плакал. Мальчик был так удивлён и напуган таким зрелищем, что убегал в свою комнату и забивался в кресло в углу. Кроме того, родители иногда ссорились, не часто, но сильно...

Из всего этого, основываясь на своих наблюдениях, словах людей, в том числе, очень важно – словах няни, Иван сделал первый в своей жизни важный вывод, который переводя на «взрослые» категории можно было выразить так: богатство, престиж и успех счастья не приносят.

Мама же Вани занималась рестораном. Она, конечно, работала гораздо меньше отца, но тоже практически каждый день уходила на работу. Няня говорила, что мама – очень сильная женщина. Кроме того, мама была потрясающе красивой. Высокая, стройная, в свои тридцать семь она сохраняла гладкость кожи и блеск волос. Богатство подчеркивало её стильность и грацию.

Но мама тоже пила и плакала. Выглядело это не так буйно, как у отца, но это только выставляло напоказ какую-то безысходность. Бывало, она целыми вечерами сидела в кресле, потягивая мартини, и смотрела куда-то вдаль. Иногда она по телефону разговаривала с какими-то мужчинами. Ване, который подслушивал из-за угла, это было очень неприятно, хотя он толком не понимал, о чём идёт речь. Веяло каким-то

обманом. Ссорясь с отцом, мама кричала, что он испортил ей жизнь, и иногда кидалась вазами.

Тогда Иван сделал второй в своей жизни важный вывод: красота счастья не приносит.

Ваня рос и превратился в юношу. Сексуальное взросление, как на дрожжах сдобренное непомерными карманными суммами, выдаваемыми отцом, произвели на него ожидаемый эффект. Подаренный на восемнадцатилетие спортивный автомобиль, бутики, клубы, развязные девушки, лёгкие наркотики... мысли в сознании завертелись, как стёклышки в калейдоскопе. Алкогольные и наркотические угары порождали как невероятные приступы удовольствия и эйфории, так и странные думы. В такие моменты Иван как будто гнался в тёмном лабиринте, освещаемым клубными фонарями, за белым кроликом или кем-то ещё. Всё это напоминало приключения Хантера Томпсона.

Также Иван мучительно не мог понять, нравится ли он девушкам непосредственно как личность или их привлекают его деньги. Дошло до того, что занимаясь сексом с очередной красоткой, он начал испытывать что-то вроде несчастья и опустошения. Всё это начало казаться ему эфемерным и искусственным. Кроме того, девушка, в которую он вроде бы по-настоящему влюбился, как назло, выбрала другого. Почему так, думал Ваня? Почему, чёрт возьми, именно она? Любая, в которую он мог ткнуть пальцем, с радостью прыгала к нему в койку. А эта, вот именно эта, не захотела... Ваня

был совершенно опустошён и измотан. Лёжа после очередной буйной вечеринки в своей кровати на чёрном шёлковом белье, от которого девушки просто приходили в экстаз, он сделал третий в своей жизни важный вывод: пьянство, клубы, угар, беспорядочный секс, возможность сорить деньгами, в общем, то, о чём грезят многие люди – счастья в жизни не приносит.

Иван почувствовал, что надо что-то менять. Надо бы приостановиться и оглядеться вокруг, должна же быть ещё какая-то надежда.

Он сидел на скамейке в парке, смотрел вдаль и хотел, чтобы что-то случилось.

– Возьмите, пожалуйста, – подняв взгляд, Иван увидел девушку. Она была симпатичной, но совсем не такой, как те, что из его окружения. На ней были потёртые джинсы, красная вязаная кофточка, на ногах кеды. Волосы её были заплетены в две косички. Девушка протягивала Ване какую-то книжку.

– Это альманах стихов, – ответила она на молчаливый вопрос. – Здесь есть и мои. Екатерина Мезенцева. Катя, – и чуть погодя добавила: – Самопиар! – И подмигнула.

Иван взял книжку и, сам не зная зачем, почему-то сказал: «Могу я угостить вас кофе?»

Жизнь Ивана изменилась. Прошло время, и он уже лазил с Катей по крышам, стараясь находить нужные слова в беседах про звёзды. Поначалу Ивану иногда хотелось позвать

Катю в клуб, выпить коктейлей, но он понимал, что это будет что-то не то.

Они ходили по каким-то странным выставкам. Выставкам картин, фотографий, каких-то непонятных скульптур. Иногда там были просто горы опилок или какие-то сваренные трубы. Всё это было снабжено некими длиннющими пояснениями на бумаге, которые Иван абсолютно не понимал. Причём ему казалось, что эти подписи не особенно понимают и Катя, и её друзья, с которыми они ходили на выставки, а также сами авторы этих подписей. Потому что как их можно понимать, когда они вообще бессмысленны? Свои размышления Ваня старался держать при себе, опасаясь открыть со временем то обстоятельство, что был просто глуп. Но, как ни крути, для Ивана такая жизнь была интересна и нова, она давала эмоции, заставляла размышлять.

Ещё они с Катей часто бывали в различных компаниях, основным занятием в которых было пить и вести философские беседы. Люди эти были зачастую просто одеты, обладали длинными причёсками и, по-видимому, считали себя гениями. Они говорили о разном. О карме, о различных книгах, религиозных направлениях, музыке. Богатых они считали глупцами и стадом. Иногда они предлагали покурить траву, Ваня отказывался. На него смотрели, как на изнеженного мажора. При этом ему было странно, как можно считать кого-то глупым, когда ты сам несколько дней в неделю пьёшь дешёвое пойло и еле наскребаешь порой на метро.

Для Ивана деньги проблемой, естественно, не были. Он дарил Кате дорогие подарки. Она искренне говорила, что он не должен так делать. Это он, надо сказать, довольно высоко ценил. Когда Ваня привёл Катю знакомиться с родителями, те вопросительно переглянулись.

Гром грянул среди ясного неба. Они с Катей сидели у неё в комнате, она рисовала на холсте, а он любовался ей. Вдруг Катя сделала резкое движение вперёд рукой, пробила картину и расплакалась.

Через три дня Иван снова сидел на лавочке. Он жевал сахарную вату и глупо, обречённо улыбался. Катя расплакалась из-за того, что её сердцу было трудно осознавать тот факт, что Иван не тот, кого она хочет видеть рядом. Он долго утешал её, а потом будто оказался как кот, которого выгнали на улицу, закрыв перед носом дверь.

Было сформулировано четвёртое важнейшее правило: люди, какими бы они ни были, счастья в жизни не приносят.

Было очень тяжело и гнетуще. Город давил, дом давил, окружающие лица давили... Попытки снова раствориться в пьянках и беспорядочном сексе облегчения не несли. Он поговорил с отцом. Отец внимательно выслушал.

– Послушай, сын, – сказал он. – Так получилось, что с рождения ты имел практически всё, что человеку нужно в жизни. Всё, к чему кто-то стремится много лет, ты получил, только появившись на свет. Тебе не нужно было предпринимать каких-либо усилий, чтобы выжить. И не просто

выжить, а получить хоть какой-либо комфорт и статус.

Отец почесал ухо, чуть задумавшись.

– Логично, – продолжал он, – что, имея такую жизнь, познав все её радости и не приложив к этому усилий, ты придёшь к тому, что всё это пусто. И ощущение это будет только от того, что ты не знаешь, что бывает иначе.

В общем, отец предложил Ивану начать всё с нуля.

– Ты должен построить себя, – сказал он, – пройти сквозь тяготы и лишения, и только тогда ты поймёшь, чего на самом деле стоит жизнь и чего на самом деле стоишь ты.

Итак, в 22 года Иван пошёл в армию. Это было очень странно. Сидя в вагоне поезда и глядя на уплывающую вдаль Москву, он думал о том, какая же разная бывает жизнь.

В армии его поразили многие вещи. То, что его били сослуживцы – было больно, бессмысленно, но, как это не противоречиво звучит – в общем-то понятно. То, как вели себя в армии сами военные, оставалось вакуумно, беспросветно, как чёрная дыра, за пределами восприятия. Как-то ночью ему попытался это объяснить шепотом сосед по койке.

– Понимаешь, бл... Никто, на хрен, тебя здесь не научит стрелять из автомата. Никто тебя здесь не научит кидать гранату или водить танк. Единственное, что ты здесь поймёшь – это то, что вокруг происходит какая-то жопа. А если когда-нибудь вдруг начнётся война, то вот это будет самая большая жопа из всех. И тут ты вспомнишь, что что-то подобное с тобой уже было. И ты, типа, примерно знаешь, как

действовать. Условный рефлекс. Понимаешь?

Иван задумчиво кивнул. Сосед отвернулся с чувством выполненного долга. Прошло время, Иван понял ещё многие вещи и вернулся домой. Он шёл по родному городу с улыбкой от уха до уха, и в его голове стремительно и громко неслась музыка группы «Браво»: «Пееееесня пливёёёт, сеееердце поёёт... Ээээти словааа о тебее, Мооскваааа». Иван излучал счастье! Он одновременно излучал его и впитывал из каждого листочка, каждого камешка, каждой пары глаз, которые смотрели на него.

– Кажется, наш сын счастлив, – с улыбкой сказал как-то его отец жене. И подумал: «Ну вот, стал настоящим мужиком».

Следующий шаг был – заняться своим делом. Отец предложил ему стать помощником директора в одной из семейных фирм, занимающих среднее место в личной империи. Иван, разумеется, согласился. Он, наконец, казалось, уловил то самое предназначение каждого мужчины, которое далеко не всем дано исполнить. Нужно быть волевым, сильным, словно лев, идущим к своей добыче. Только такому мужчине посчастливится встретить и удержать женщину, настоящую женщину, которая будет способна понять и поддержать своего мужчину в трудные моменты жизни, а во времена взлётов с радостью примет ту лавину счастья, которой он её одарит.

Через некоторое время, научившись азам, Иван сам занял место руководителя. Работал он много и лихорадочно. Рабо-

тал по принципу «хочешь что-то сделать – сделай это сам». Пропадал вечерами в кабинете, брал бумаги на дом (к тому времени он, конечно, жил в отдельной квартире). Учился выводить деньги, уходить от налогов, постигал практику подмаза и откатов. Потихоньку бизнес рос, а Иван чувствовал тот сладостный вкус, который имеют СВОИ, собственноручно заработанные деньги. Но, к ним он старался относиться максимально легко. Он по-прежнему помнил те золотые правила, которые последовательно вывел для себя, и главной его целью оставалось – найти всё-таки путь к счастью, о котором говорила когда-то няня. Чёрта с два, его нет в этой жизни! Нет уж! Только неудачники и псевдофилософы могут заявлять подобное. Есть счастливые люди, есть. У них любимая работа, хорошая жена, интересная жизнь. Нужно только найти это, найти закон, который сделает тебя победителем!

Нет, Иван будет богатым, будет сверкать лоском, но он уже никогда не будет тем сомневающимся юнцом, которого, возможно, выбирали лишь за деньги. Нет. Он будет работать над собой и добьётся успеха во всём.

Иван стал ходить в спортзал, в бассейн, на йогу. Он увлекся иностранными языками и рисованием. Он катался на сноуборде, ездил в тёплые страны учиться ловить волны на серфинге. Участвовал в любительских соревнованиях по боксу и побеждал. Он растил свое детище, свою фирму. Он ходил на тренинги по НЛП и практической психологии. Он захо-

дил в дешёвые кофейни и соблазнял женщин разговорами о Сальвадоре Дали. А когда они чуть ли не падали в обморок от роскоши его квартиры, втайне упивался собою. Был момент, когда Иван, слегка выпив, вышел в дорогушем халате на свой балкон, с красивейшим видом на ночную Москву. Шёл дождь, сверкали молнии. Иван, словно древний могущественный маг, возвёл руки к небу и начал смеяться. После этого он легко улыбнулся над своей гордыней, съязвил что-то остроумное и остался доволен тем, что, даже став таким человеком, сохранил самоиронию. А это, как-никак, показатель интеллекта.

Свою первую любовь он нашёл быстро. Она торговала шмотками в каком-то бутике. Он трахнул её в первую же ночь. Щёлкнул, как орешек, и выплюнул. Она звонила, плакала, говорила, что любит, но он был непреклонен. Он не то, чтобы отомстил, это не было его целью. Он просто доказал.

Теперь оставалось найти Катю. К ней у него были совершенно иные чувства. Он представлял, как найдёт её, тихую и замызанную, несчастную в своей жизни жены какого-нибудь спивающегося художника-неудачника. Найдёт, обнимет, обогреет, увезёт её от всего этого и даст столько нежности, на сколько только способен в своей нынешней роли ма-чо-победителя. И ещё он не причинит ей боли, как той бес-толковой пустышке. Никогда не причинит ей боли. Никогда. Только любовь и нежность.

Искал он Катю около двух месяцев. Ходил по захуда-

лым барам, андеграундным подвальныйм клубам, мастерским. Старые приятели изумлённо смотрели на него. Он не чувствовал к ним неприязни. Какой-то тонкий коктейль из превосходства и жалости. Он чувствовал себя сильным.

Она жила в Питере. Работала продавцом в книжном магазине и вела курсы живописи.

– Извините, я ищущу Катю Мезенцеву, – улыбаясь, сказал он некрасивой девушке-консультанту в магазине.

– Ааа, Катя, – протянула она, окинул незнакомца взглядом, – Катя ушла обедать.

Под давлением его вопросительного взгляда она добавила:

– Вот там кафе на первом этаже за углом, «Рояль» называется, она там должна быть.

Поблагодарив девушку, Иван вышел на прохладный воздух осеннего Питера. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Ну, вот она, вывеска «Рояль». Иван вдруг вскользь подумал, что не умеет играть на рояле. Ничего, улыбнулся он, научусь. Вдруг его охватила тревога. Как, что сейчас будет? Но он научился успокаивать себя. Он научился быть победителем. Вот сейчас он зайдёт в кафе и увидит Катю. Она сидит за столиком, допивает кофе и читает какую-нибудь книжку. Он подойдёт и скажет: «Привет!». Она поднимет свои глаза, которые тут же расширятся от удивления. Он присядет, они заговорят. О чём будут говорить? Да бог его знает... О многом будут говорить, будут смеяться, вспоминая былые

времена. А вечером он проводит её домой и просто попросается, не давая намёка на продолжение, но одновременно оставляя такое сладкое, волшебное ощущение того, что скоро в жизни предстоит что-то невероятно хорошее...

Он вошёл и увидел её. Она сидела с ребёнком на руках, славная такая, милая девочка. Рядом сидел и обнимал её симпатичный худой мужчина, с волосами, собранными сзади в пучок. Трио весело смеялось, мужчина улюлюкал с девочкой. Катя увидела Ивана. Их взгляды встретились на несколько секунд и в них пронеслось и прошлое, и настоящее, и будущее. Они всё поняли в один момент. Что-то вдруг оборвалось.

Катя не успела издать ни звука. Иван вышел из кафе, стремительно вышел и, как в фильме, не видя ничего перед собой, побежал через дорогу. Его сбила машина. Не сильно так сбила, не трагично, даже смешно. Он улетел лицом в грязь. По законам жанра он должен был истерически захохотать над всей абсурдностью своей жизни, но ему, чёрт возьми, было как-то не до этого!

К слову, к этому времени многое в его жизни случилось. Например, умер отец, заваленный многолетним грузом ответственной работы – сердце отказало. Мать вроде бы снова возродилась, но выразилось это в отъезде за пределы Родины с каким-то греком. Так что Иван скорее испытывал ещё одну потерю, чем точно знал, что мать действительно счастлива.

И вот, садясь в тёмное купе поезда Санкт-Петербург –

Москва, он вдруг явственно понял несколько вещей: у него есть работа, к которой он как к процессу в принципе равнодушен. У него есть друзья, которые сейчас, в момент ясной осознанности своей жизни, оказались людьми, которых кроме общности дел мало что связывает. Наконец, у него есть множество знаний, умений и навыков... Которые никогда, хоть ты восемь раз оземь расшибись, не сделают его лучшим мужчиной для любимой девушки! И речь даже не о Кате, вернее, не только о ней. Вспомнив ключевые моменты жизни, Иван вдруг понял, что всё, что бы он ни делал, не приносило ему того, чего он хочет. Люди, которых так хотелось видеть рядом, всё время ускользали. Все начинания оканчивались каким-то нелепым тупиком. И это уже было совсем не весело.

Итак, жизнь Ивана повернулась на 180 градусов. Говоря проще, повернулась к нему задницей. Ему вдруг привиделось воспоминание из детства с плачущим отцом, и он понял, что становится таким же. Успешным, богатым, крутым, но несчастным. Иван понял, что изменения, которые напрашиваются, должны быть не просто косметическим ремонтом, это должна быть операция по удалению опухоли. И он на неё решился. Хотя «решился» – не совсем подходящее слово. Им двигала вовсе не решимость, а скорее отчаяние.

Иван решил, что все должны идти к чёрту. Бабы, художники, деньги, спортзалы, работа, проповедники и бизнес-тренеры, песчаные пляжи и квартиры. Во всём этом не было ни-

какого смысла, ровно никакого смысла.

Он продал квартиру, коттедж, фирму, доли, акции, машины, побрякушки... он продал всё, что заработал сам и что оставил отец. Половину денег перечислил в благотворительные фонды, половину положил в банк. На всякий случай. Хотя был уверен, что они ему не понадобятся. Иван сделал то, что было противоположно предыдущему желанию победить и завоевать всё – он сбежал от всего. Он решил, что если жизнь такая хреновая штука, то всё, что остаётся, это как можно больше от нее абстрагироваться.

Он долго размышлял над тем, что же может дать избавление, и, наконец, нашёл ответ. Он вспомнил армию и ночи на работе. Он вспомнил чувство, которое делало бессмысленным всё остальное – секс, увлекательные разговоры, размышления, дела, потребность встречаться с людьми, потребность что-то делать со своим телом и сознанием... то, из-за чего это становится не нужным и бесполезным в конкретный момент времени... это усталость. Иван вспомнил, как после армейского дня или безумной суматохи офисных встреч, сдобренных походом в спортзал, или самое главное – боли от эмоциональных переживаний, он приходил в казарму или домой, падал на кровать и погружался в вязкий, тяжёлый, чёрный, вызывающий чувство надежды, но одновременно самодостаточный и сам по себе счастливый, не требующий ничего другого, мягкий, карамельно-сладкий сон... А как же хорошо утром... Как хорошо, когда ты проснулся, но сон

ещё не отпускает тебя... Он окутывает тебя как облако, нежно держит, шёпотом зовёт назад. И ты не утруждаешь себя каким-либо усилием, а просто отпускаешь мир и снова медленно погружаешься в эту восхитительную негу забытья... И хорошо. И ничего, ничего тебе больше не нужно.

Итак, выход был найден. Или вход. Там, откуда не возвращаются, не важно. Главное было соблюсти все условия. Во-первых, надо было устать. Ежедневно, хронически, всеми клеточками тела и мозга, выматываться так, что единственным желанием будет прийти куда-либо, где стоит твоя кровать, и упасть на неё, отключившись от жизни. А во-вторых, нужно изолировать себя от этого гнусного мира так, чтобы никогда, никогда больше, не дай Господь, в мозг не закралась гадкая мыслишка, что ты делаешь что-то не так. Иван представил себе древние поселения, отделённые друг от друга тысячами километров, которые можно было преодолеть лишь за годы. Поэтому все сидели на пятой точке, работали, ели, спали и не терзались проблемами поиска какого-то важного смысла. Нет его, этого чёртового смысла, подавитесь им!

Иван уехал из Москвы, оставив всё. Купил дом в небольшой деревне за Уралом. Устроился грузчиком на железнодорожную станцию. Он стал тем городским, вернее, в данном случае деревенским сумасшедшим, который тихо живёт, вечером работает, таская тяжёлые мешки и ящики, подрабатывает, заливая фундамент деревенских домов, когда кто-нибудь примет это редкое решение – что-то строить, чистит

стайки за копейки, удивляя селян и заставляя их на миг почувствовать себя ленивыми горожанами... а под вечер приходит домой, выпивает литр молока, потому что готовить есть под грузом накопившейся усталости невозможно, ложится на кровать и проваливается в тот самый сон, о котором так мечтал.

Он не стал алкоголиком, чего следовало ожидать. Нет, он пил, но не забываясь. Как-то средне между простым деревенским мужиком и тем же деревенским сознательным хозяйственником, который капли в рот не берёт, а только работает, и все изменения в его жизни характеризуются только ростом поголовья скота и появлением новой техники.

Шло время. У Ивана появились приятели, женщина, которым он постепенно, медленно, не по дням, месяцам, а скорее годами, впуская в себя, рассказывал о своей предыдущей жизни. Конечно, как только такие вести появились на свет, они мигом расползлись не только по деревне, но далеко за её пределами. На Ивана показывали пальцем. Местные умники говорили, что он уедет. Сбежит, не выдержит, а если правильнее – поймёт, что живёт не своей жизнью, и опомнится. Но шло время, а Иван всё не уезжал и не уезжал. Он, казалось, врос в свою новую жизнь. Она впитала его, как чай впитывает сахар. Иван как будто объединил вокруг себя деревню, стал её столпом и самой яркой фигурой. Он стал ходячей былинкой. Он был словно театр, собирая вечерами вокруг себя толпу людей со всех окрестностей, рассказывал исто-

рии из своей жизни, рассказывал о сотне прочитанных книг, десятках жизненных теорий и философий, приправляя это своими суждениями.

И вот, когда уже поверилось в то, что Иван был здесь всегда – Иван пропал. В один день, вернее, в одно утро, его женщина обнаружила, что проснулась в кровати одна. Это было странно, потому что Иван неукоснительно следовал выбранной философии и спал минимум до обеда. Полдня женщина с глупым выражением лица просидела на стуле, глядя в одну точку. Потом, около 7 вечера она выбежала во двор с криком «Иван пропааал!!!».

Однако обмануть мир ей не удалось. Иван не появился вдруг, ведомый желанием Вселенной помочь отчаявшейся женщине. Иван пропал насовсем. Деревня собралась на сход. Всем было ясно, что это никакой не ловкий трюк, Иван не выйдет вдруг из леса с мешком еловых шишек и не объяснит, зачем он за ними пошёл. Все на каком-то тонком уровне понимали, что он не вернётся.

Тем не менее, терять народного героя без вести было невозможно. Произошло невероятное. Всем миром собрали денег на экспедицию и направили двоих людей в Москву на поиски гуру. Посланники сельчан не обманули, наняли детектива, искали в Москве и Питере, производили допрос Кати Мезенцевой – бесполезно. Найти Ивана так и не смогли.

Исчезнув так, одномоментно и безвозвратно, Иван окон-

чательно стал для своих соседей мифологическим персонажем, непонимаемым и безгранично любимым. Говорили, что он уехал гоняться за смерчами в американских пустынях. Якобы бабка (какая?) нагадала ему, что, лишь попав внутрь смерча, он будет унесён им в то место, где действительно обретёт жизненное счастье.

И вот – река Ниагара, разделяющая своими мощными водами Американский штат Нью-Йорк и Канадскую провинцию Онтарио, стремительно несётся вперёд. Снующие в небе вертолёты с телекамерами и рупорами передают картинку на ведущие телеканалы. В центре действия Иван, плывущий на плоту из четырёх круглых брёвен, связанных прогнившими лианами. Он, словно эпический герой, стоит на полусогнутых ногах, его длинные волосы, ставшие в легенде седыми, развиваются на ветру. Его грязная, потная, разорванная белая майка обнажает громадные мускулы, приобретённые в московских спортзалах и на деревенском вокзале. Его взгляд устремлён вперёд. Там, в чреве восхищающего весь мир Ниагарского водопада, бушует не поддающийся осмыслению, сметающий всё на своём пути, сильнейший за последние двести лет смерч.

Наш герой, в которого по не понятным никому причинам стреляют американские и канадские солдаты, стремящиеся разрушить его мечту, неминуемо движется к цели. Он, как герой древнего мифа, готовится броситься в разверстую пасть льва, чтобы победить его.

Были и другие версии. Например, Ивана могли забрать пришельцы. Чем ещё объяснить такое непонятное, не оставившее никаких следов исчезновение? Излучая столь яркое энергетическое желание победить бренность бытия на этой планете, Иван вышел на секретную частоту инопланетян, которые, почувствовав забытое уже ощущение сопричастности и восхищения, забрали его к себе.

Те же умники говорили, что Иван отправился в одну из европейских стран, чтобы воспользоваться достижениями крионики. Погрузив своё тело в жидкие субстанции максимально низких температур, он сохранил надежду дожить до времён, когда на Земле не будут важны ни любовь, ни дружба, ни другие приносящие разочарование вещи. А наше сознание будет перенесено в электронный чип, размером с блоху.

А может быть, Иван сидел сейчас на холме, собирая ладонью капли росы с верхушек травинок и думал, что же ему делать дальше? Что нам всем делать дальше? Может быть. Всё может быть.

Таковы были легенды. Тем временем Иван через кубики льда, медленно таявшие в стакане с коктейлем, и собственно сам напиток пытался разглядеть океан. Океан был голубым, искрился отражавшимися лучами солнца и издавал звуки, казавшиеся Ивану лёгкой музыкой. Выпустив дым дорогой сигары, он сделал первый за много лет глоток.

Откинувшись на спинку плетёного кресла, Иван расплыл-

ся в улыбке. Он думал о первых днях в Москве, после возвращения из армии. О своей тогдашней радости. Нет, всё-таки человеку нужны потрясения. Только пережив задницу, можно понять, что избушка стоит к тебе передом. По-другому не получается.

За столик к нему под села женщина.

– Разрешите? – спросила она по-английски и улыбнулась.

– Конечно, – ответил Иван.

Женщина закурила тонкую сигарету.

– Меня зовут Эльза, – сказала она, – а Вас?

– Иван.

– Иван? Вы из России?

– Да. – Иван наклонился к Эльзе, прищурил глаза и сказал полусшёпотом: – Я русский крестьянин.

– Да Вы что? – театрально удивилась она, слегка рассмеявшись. – И что же делает русский крестьянин на трансатлантическом лайнере?

– Пробует в жизни что-то новое, – ответил он с улыбкой.

Она тоже улыбнулась.

– А Вы знаете, Иван... Я бы тоже не прочь попробовать что-то новое.

Наступила пауза. Она ждала ответа. И когда уже показалось, что пауза затягивается, Иван спросил:

– Вам наскучила жизнь?

Тон его был серьёзен. Улыбка сошла с лица Эльзы. Её взгляд перескочил на палубу, потом снова на собеседника.

– Всем нам становится скучно рано или поздно...

Иван понял, что женщина ему нравится.

– Хм, – он посмотрел в небо. – Прямо сейчас?!

– Ха-ха... – подхватила она оживлённый тон. – Вы весёлый человек, Иван! Да, почему бы и нет, прямо сейчас!

– Пойдёмте, – он поставил бокал и встал.

– Куда? – удивилась Эльза.

– Искать новое. Пойдёмте-пойдёмте, вставайте!

Он протянул ей руку, а когда она встала, затушив сигарету, направился к борту.

– Океан чудесен, правда? – заговорил он, глядя в голубую даль.

– О да, конечно! Ради этого мы и здесь, – волосы её приподнимались от потоков ветра.

«А глаза грустные...» – пронеслась мысль у Ивана.

– Океан чудесен, – повторил он. – Вы умеете плавать?

– Что?

– Плавать умеете?

– А, ну да, конечно.

Вдалеке прозвучал смех. Они обернулись и увидели брызги воды, разлетающиеся от бассейна. Через секунду на поверхность вынырнул весьма тучный парень и его смеявшиеся друзья что-то весело закричали на немецком.

Эльза улыбнулась, но выражение её лица тут же сменилось под серьёзным взглядом Ивана. Он взял её за руку.

– Если через час у Вас будет хорошее настроение, то я

признаюсь Вам в любви, – сказал он.

Она опять рассмеялась.

– А если нет?

– А если нет, то е**сь всё конём, – сказал он по-русски.

– Что это значит? – спросила она.

– А сейчас узнаете! – сказал Иван, быстрым движением поднял её на руки, закинул свою ногу на перила, сильно оттолкнулся от пола другой и перекинул её через борт.

Перед тем, как их охватил океан, в фокусе его зрения мелькнули расширившиеся глаза Эльзы.

«Человек за бортом!» – раздался крик официанта. На палубе началась суматоха.

Дерево

Я шла туда одна. Вчера весь день лил дождь. Не ливень, а такой мелкий моросящий дождь, который падает из единственной однотонной тучи, затянувшей всё небо. Вообще, осенью небо обычно и становится этой самой тучей. Так вот, он шёл весь день. С утра до вечера. Сначала я молила господу бога о том, чтобы это кончилось, а потом поняла, что бесполезно. Что мне так и суждено весь этот день протащиться по полю, промокнув до нитки. Без единого шанса.

А поле было под стать дождю. Я спустилась на него с пригорка как раз, когда первые капли упали с неба. Надевала плащ, которому вскоре было суждено превратиться просто в тяжёлую мокрую тряпку, и смотрела на это бесконечное поле. Серая земля, усыпанная редкими высохшими травинками – частями колосьев то ли ржи, то ли пшеницы, которая тут росла и была скошена. Сколько километров этой глади было перед моими глазами? Да трудно сказать. Конечно же, я рассчитывала, что оно кончится через пару часов, может, чуть больше. Как и дождь. Потому что, когда тащишься по мокрой, почерневшей от воды земле, которая проваливается под твоими сапогами, дольше, чем два часа, то всё становится как-то совсем тоскливо и уныло. Даже больше: всё становится как-то отчаянно.

И вот чем дальше я шла, тем чаще думала: скорей бы это

кончилась. Скорей бы это кончилось. Дождь и поле. Поле и дождь. Бесконечный дождь и бесконечное поле. Во все четыре стороны вокруг тянулось оно, без единого овражка, без единой рощицы, гладкое, как какой-то адский бильярдный стол. Весь день. Весь этот мерзкий, серый, безликий промозглый день.

Где-то часов в шесть вечера я разрыдалась. Упала задницей на свой рюкзак и разрыдалась. Капли дождя смывали мои слёзы, словно показывая, какой убогой песчинкой была моя грусть посреди громадного безмолвного ничто. Я вдруг осознала, что ни разу за весь день не видела даже птиц. Почему? Потому, что их действительно не было вокруг, или я просто не обращала внимания? А вообще, птицы в дождь летают? Я вот не знаю этого...

А ещё раньше, до этого момента, захотелось повернуть назад... Ведь что там позади и сколько мне идти до дома, я знала, а вот сколько идти вперёд... Только догадывалась. Но я себя переборола.

Вечером, когда я, наконец, добралась до леса и кое-как развела костёр из присыпанных листьями гнилых коряг, дождь ещё накрапывал, но вскоре стих. Я повесила свою тряпку, то есть плащ, на ветку торчащего рядом дерева. Оставалось только надеяться, что он высохнет, став полегче, и завтра будет сухая погода. Только я развалилась у костра, проглотив бутерброды с сыром и чипсы, как из леса на огонёк вышел парень. Возраста он был где-то моего, на внеш-

ность, прямо скажем, не красавец. Худой и какой-то... на ум лезет слово «плешивый». Попросил погреться, что я могла ответить?

Ты оттуда идёшь? – спросила я, глядя на огонь.

– Откуда «оттуда»? – немного просиял он, обрадовавшись тому, что мне от него что-то нужно.

– Ну, от дерева.

Он помолчал и сказал:

– Да, конечно.

Я поёжилась. Придётся ещё расспрашивать этого субъекта, хотя настроение было укрыться полусухой курткой и задремать...

– И какое оно? – спросила я.

Он опять помолчал, дождавшись, пока я на него не посмотрю. А потом сам перевёл взгляд на костёр и задумчиво сказал:

– Красивое.

– Ты дурак! – выпалила я.

Он рассмеялся.

– Что смешного?

– Люблю, когда меня называют дураком!

– Почему это?

– Оно красивое... – повторил он вместо ответа.

– Оно не может быть красивым.

– Почему? А какое оно, по твоему?

– Оно... – я задумалась, подбирая слова, – оно мерзкое

должно быть! Но никак не красивое...

Эй, постой, – удивлённо воскликнул он. Это странно, но он мне даже понравился немного в этот момент. – А ты разве не видишь красоту в этом?

– В чём «в этом»?

– Ну, в этом! – и он развёл руки в стороны и слегка потряс ими. – В этом во всём.

Я опять задумалась. Да, он прав. За эти несколько дней окруживший меня серый мрачный мир и правда начал казаться по-своему красивым. Ободранные деревья, насыпи полусгнивших уже, как будто покрывшихся язвами, листьев – останки жёлтой осени. Даже в сегодняшнем поле было некоторое величие и первозданность. И несколько ночей с костром, с воспоминаниями, с бликами от огня. Это было завораживающе, как-то по первобытному.

– Эта красота... – сказала наконец я, – она есть, да. Она только... готическая такая.

– Да... Спать хочешь?

– Хочу.

Мы легли по разные стороны от костра. Через пять минут он спросил:

– Можно тебя обнять?

– Нет, – сказала я.

Хотя мне очень хотелось, чтобы меня обняли. Но не он. Может, я жестокая? Но что поделаешь, если всё так. Я вдруг вспомнила момент из далёкого детства. Я была совсем ма-

ленькая. Стояла зима и мы очень сильно поругались с мамой. Я выбежала из дома в одних колготках и накинутом пальто, без шапки. Выскочив за двор, я забилась в ямку посреди горки, заваленной снегом. Горкой была куча из земли и кусков фундамента не построенного кем-то когда-то дома. Я сидела там, посреди бетона и снега, сжавшись в комок, и плакала. Мне так хотелось тепла, так хотелось, чтобы меня кто-нибудь обнял... Я вдруг поняла, что потом, уже взрослой, сжимаясь иногда от непереносимой жизненной безысходности в комок, на кровати или на полу, я становилась той маленькой девочкой, которая лежала посреди зимы и так хотела объятий. Так хотела, чтобы кто-то был рядом, и даже не говорил ничего, а просто обнимал, не злясь на меня за мои слёзы. Калитка скрипнула минут через пять. Мама несколько раз крикнула мое имя. Только сейчас я понимаю, сколько горечи и страха было в её голосе. Тогда я этого не поняла и продолжала сидеть в своём укрытии, обиженная на неё и на весь мир.

Когда я проснулась, парня не было. Я слегка перекусила и, собравшись, двинула дальше. Вот дура, даже не спросила, долго ли мне идти. Еды оставалось уже не так много.

Сегодня природа уготовила мне новое испытание. Дождя не было, но были деревья. Невысокие, колкие и ветвистые. Почти сразу я поцарапала себе лицо, пробираясь сквозь ветки. После этого я стала поосторожней и аккуратно огибала эти гнусные коряги. Часто приходилось нагибаться. Часто

приходилось обходить. Бывало, я срывалась и, держа двумя руками перед лицом рюкзак, просто начинала бежать вперёд как бешеная. Ветки расступались, некоторые трескались и ломались. Я бороздила ногами землю, пока не напарывалась прямо на дерево или не падала, теряя равновесие. Уже к обеду я была дико уставшая и грязная, как свинюшка. Куски грязи налипли на мою куртку и волосы. Джинсы уже просто сливались с окружающим пейзажем. Я была похожа на женский вариант Робинзона Крузо и Маугли разом.

Поела я, сидя на холме и глядя на проезжающие по трассе машины. В отдалении виднелась заправка с магазином, где я смогу купить еды по пути назад. Наверняка для водителей этих машин я казалась статуей какого-то языческого бога. А может быть, я просто фантазирую.

Я знала, что скоро приду. Бредя по земляной дороге, наступая на грязные лужи, пиная пустые пластиковые бутылки, я смотрела вдаль, на коршунов, планирующих над свалкой. Она была чуть на пригорке и мне пришлось подниматься, хотя ноги болели уже просто нестерпимо. Я шла дальше, между хаотичных куч из отходов, сгнившей травы, сломанной мебели, непонятных предметов. На другом конце двое местных жителей на миг остановились, высматривая меня, но, видимо, поняв, в чём дело, принялись дальше рыться в поисках добычи. Спустя две минуты я увидела его и расплакалась.

Это произошло не сразу. Сначала я, замороженная, смотрела на него. На дерево. Оно было огромное, наверное,

метров двадцать в высоту. Огромное, массивное, могучее и одинокое. Его толстый ствол, искривляясь, поднимался вверх, давая множество отростков, порождавших всё новые отростки, порождавшие новые отростки... Оно было большое, могучее и очень ветвистое. Я не разбираюсь в деревьях. Но в этот миг для меня это дерево было гигантской секвойей, хотя я даже не помню точно, как выглядит секвойя. Оно стояло чуть в низине, в совершенном одиночестве. Ни других деревьев, ни кустарников, только оно. Я подумала, что вот она – цель моего паломничества. И от этого я расплакалась.

Утерев слёзы рукавом грязной куртки, я стала спускаться. Только сейчас я заметила человека, сидящего, прислонившись спиной к дереву. В паре метров горел маленький костёр. Я на миг задумалась о своём внешнем виде, но потом поняла, что у него вид, должно быть, и того хуже, учитывая его место обитания. Метрах в двадцати я снова остановилась. Он был прав, тот парень, прав, чёрт побери. Оно было потрясающим! Дерево. На его бесчисленных ветвях, погружающихся в окрашенное заходящим солнцем небо, висели десятки, сотни некогда разноцветных, но сейчас посеребривших пакетов. Они заплетались в небольшие бутоны, оборванные, потерявшие цвет, болтающиеся на ветру пакеты. Они висели, как ленточки, которые повязывают на ветвях, загадывая желание.

Подойдя ближе, я воскликнула бодро:

– Так это оно?

Он, мужчина лет сорока пяти, с бородой, в пуховике и шапке, курил сигарету. Повернувшись ко мне, он улыбнулся и доброжелательно (какой же молодец) ответил:

– Да, оно. Дерево несбывшихся желаний...

После этого мы молчали минут пять. Я отвернулась и снова начала плакать. Все воспоминания накатили на меня, но я для этого и шла сюда: ощутить их в последний раз и проститься с ними. Наконец я успокоилась. В который раз помог грязный рукав, я подошла ближе. Нижние ветви висели в полуметре над моей головой.

– А как это получается? – спросила я.

Летом ветер пакеты надувает. Знаешь, как в фильме «Красота по-американски»? – сказал он. – Они цепляются, заплетаются, и висят так потом... Соседние ветки их обдирают, грязь и пыль обесцвечивают, и вот получается такое серое чудо. Красиво, да?

Очень, – медленно протянула я.

Ты хочешь отпустить свое желание? – спросил он.

Да, откуда Вы знаете?

Потому что я хранитель дерева, – он улыбнулся улыбкой без пары зубов и подмигнул.

Мне захотелось сделать для этого человека всё, что я только могу.

Ладно, – шмыгнув носом и поддерживая его весёлый тон, сказала я. – И как же мне это сделать, мистер хранитель?

Он встал и, выдерживая паузу, отряхнулся.

– Ну! – заговорил хранитель. – Для начала, ты уверена, что хочешь отпустить это желание? Что хочешь идти дальше?

Я тяжело вздохнула. Это была игра, всего лишь игра, но сколько она значила для меня... Я произнесла:

– Да, я уверена. Я шла несколько дней для этого.

Он хмыкнул.

– Ну что ж. Тогда найди своё желание. Найди и сорви его. Ты знаешь, где оно?

Я вновь оглядела дерево.

– Знаю, – ответила я. Я подошла чуть в сторону и посмотрела вверх. В дальнем фокусе моего зрения сквозь тонкие линии веток просматривалось тёмное матовое небо. В ближнем – привязанный природой к одной из веток, еле видно колыхался на ветру белый пакетик. Это было оно, среди всей обесцветившейся почерневшей массы людских желаний, я своей хрупкой девичьей душой отыскивала своё, я была уверена. Мне хотелось ободряющего взгляда. Я посмотрела на мужчину, его вид был серьёзен. Он кивнул.

Я подняла руки и начала снимать пакет с дерева. Он непонятно как обмотался вокруг ветки и никак не поддавался. Я возилась уже пару минут, в мозг закралось знакомое отчаяние. Я начала рвать пакет.

– Стой! – сказал вдруг хранитель. – Рвать нельзя.

Я остановилась.

– Рвать нельзя, – повторил он вновь. – Не торопись, акку-

ратно, встань на цыпочки и развяжи его.

И тут я успокоилась. Я совсем забыла то ощущение спокойствия, с которым жила последнее время. Мне нужен был просто ритуал. Чтобы отпустить прошлое окончательно... Через минуту грязный, рваный, но всё-таки белый пакетик был у меня в руке.

– И что теперь делать? – спросила я.

– А ты догадайся, – спокойно сказал он, доставая сигарету.

Я догадалась. Подойдя к костру, я в последний раз взглянула на смятый в руке безликий целлофановый пакет и кинула его в огонь. Он вспыхнул и истлел за мгновения. На душе у меня было хорошо. Разделив с моим новым знакомым скудные остатки моей пищи, мы поболтали минут пятнадцать ни о чём.

– Послушайте, – сказала я, глядя ещё дальше за дерево, на небольшую поляну, поросшую такими же деревцами, через которые пришлось продирается днём, – если здесь дерево несбывшихся желаний, то что тогда там?

Он посмотрел туда. И, только дожевывая кусок хлеба, ответил:

– Там деревья тех желаний, которые люди испугались загадывать.

– А дальше? – спросила я. Дальше раскинулась низина, за которую готовилось погрузиться заходящее солнце.

– Дальше? Там земля тех, кто не испугался после несбывшихся загадывать снова и оказался прав.

– Вот бы там оказаться... – прошептала я.

– Нет, – сказал он, бросая сигарету в огонь. – Так просто не получится. Вернее, может получиться, но сначала тебе нужно сделать кое-что. Сначала тебе нужно вернуться назад, к началу своего пути. Вернуться, но уже другой.

Через двадцать минут я устало брела по трассе. Назад я, пожалуй, доберусь на попутках. В совершенно пустой от мыслей голове лёгким звоном отзывалась гармония. Я поняла, для чего люди совершают паломничества.

Астероид

Джеймс Вудс был самым богатым человеком в мире. Или он был на втором месте. Или на третьем. Не важно. Не стоит верить тому, что пишут в журналах. Сколько десятков миллиардов лежало на его счетах – чего-чего, а уж этого точно не знали аналитики «Forbes». Но не в этом смысл. Главное, у него было очень-очень много денег.

Однажды ночью, где-то в июне, Джеймсу Вудсу вдруг приснилось, как в сентябре, таком солнечном и нежном, с нашей замечательной планетой столкнулся огромный астероид. И Земли не стало. Да, прямо вот так, как пугали в дешёвой прессе. Миллионы лет существования Земли, палеонтология, физика, изучение небесных тел, «Кока-кола», тантрический секс – всё в никуда... Земля исчезла. И все, кто на ней жил, тоже. Видение было очень ярким и правдоподобным. «Прямо как в фильме «Пункт назначения», – подумал Джеймс в первые секунды, когда проснулся.

Он привстал. Придвинул подушку к спинке кровати, взял с тумбочки пачку дико дорогих сигарет и закурил одну из них.

Примерно через месяц, с помощью своей группы компаний, а также целой цепочки подставных фирм, Джеймс Вудс приобрёл самый популярный в мире телеканал. Со всем его охватом вещания, субтитрами, цифровым изображением

и так далее. Но он купил не только телеканал. Он купил целую медиа-сеть, в которую входили другие каналы, крупнейшие газеты, журналы, Интернет-ресурсы, рекламные компании, тотализаторы. В общем, он истратил просто бешеную сумму денег. Некоторые люди даже немного сошли с ума. Но это не важно.

А примерно через пару месяцев случилось следующее: в один прекрасный день на упомянутых телеканалах, в только что вышедших газетах, журналах, на моментально обновляющихся интернет-страницах, рекламных мониторах и щитах – словом, везде – появились сообщения о том, что буквально через две недели Земле настанет конец. Со ссылками на правительство, спецслужбы, астрологов, учёных, предсказателей – всех, кого угодно.

Всё продолжалось столько, сколько могло продолжаться. Многие люди, которые правят этим миром, враз подавились, кто чем, и схватились за телефоны. Началась череда проверок и арестов. Но для того, чтобы отреагировать на такой вызов, нужно отдать очень много команд и задействовать великое множество людей.

В общем, творился суший хаос. После того, как случился такой информационный бум, некоторые, не очень признанные по каким-то причинам астрономы вдруг увидели в космосе астероид. Разом, независимо друг от друга. Впрочем, так было сделано много великих открытий...

На некоторое время в США вышли из строя несколь-

ко корневых серверов Интернета. Не надолго, конечно, но в некоторых регионах мира он перестал работать вообще. Президента самой великой страны, где, собственно, и жил зачинщик всего этого переполоха (жил до определённого момента, так как был не дурак и после начала всей шумихи свинтил в неизвестном направлении), хватил сердечный приступ. Половина мирового телевидения оказалась отключена, так как поддалась всеобщей панике, а вторая половина спешно пыталась успокоить людей. Но было уже поздно. Они поверили в то, что их обманывают, говорят что-то только для того, чтобы успокоить. О таком возможном ходе правительства предупредила империя мистера Вудса ещё в самом начале своей компании.

Часть людей покончила с собой или покалечилась. Это были те, у кого сдали нервы. Других посетили откровения.

Люди не хотели умирать во лжи. Всем вдруг захотелось сказать правду. Мир. Миллиарды нас.

Нам вдруг захотелось сказать, что ты не наша дочь, Мэри. Нам захотелось сказать, что я изменяю тебе, любимая. И я тебе, любимый. Что я лгал тебе, прости, но я солгал тебе тогда, пятнадцать лет назад. Какие пятнадцать лет?! Зачем ты мне это говоришь СЕЙЧАС??? Как будто бы сейчас это имеет хоть какое-то значение! Прости, я просто не мог держать это в себе... почему ты плачешь? Не плачь...

В общем, люди несли всякую чушь. Какие только чудачки не попадались. Кому-то вдруг взбрело в голову бросить се-

мью и помчаться на поиски школьной любви, чтобы поцеловать её и сказать последние, главные слова. Кто-то ушёл в леса, чтобы не вернуться.

Группы людей, запасшись алкоголем, наркотиками и презервативами (хотя зачем презервативы?) запирались в подвалах, пещерах и прочих местах, чтобы пить, веселиться и трахаться эти последние дни. Но прошла неделя, они выпили и съели всё, что было, кто-то умер от передоза, остальные начали реветь и бить морды друг другу. Люди просто убивали и погибали в истерике. Потому что это были явно не самые счастливые люди на свете. Даже тогда, когда Земле не грозил астероид.

Группа истинных хиппи продолжала как ни в чём не бывало полоскать ноги в водах Индийского океана и попивать ром. Какой им, к чёрту, астероид? Какая разница, вы смеётесь, что ли?..

Массы циничных шарлатанов и сектантов втайне посмеивались над всеобщим идиотизмом и надеялись нагреть на этом руки.

Кому-то было хорошо. Они просто нежно обнимались, закутавшись в плед, пили вино, занимались сексом и упивались своей любовью, нахлынувшей в эти последние дни с такой силой.

Люди ждали. Понимали какие-то вещи. Падали с крыш. Мы ждали.

Я хочу быть твоей собакой

В тот день, когда я сошёл с ума, я включил песню, которая ассоциировалась с тобой, и ушёл из дома.

Когда проходит наша жизнь, мы многое забываем. А может быть, и помним, но это многое становится смешным. Мы помним, что любили когда-то кого-то так сильно и думали, что будем любить всегда. А потом это становится смешным. Мы думали, что этот человек нам самый родной на свете, и ни один никогда не сможет стать роднее. А потом это становится смешным.

Спустя время мы определяемся с работой, с парой, с кругом общения и идём дальше. Уже по прямому курсу. Потому что пришло время идти по прямому курсу. А те смешные вещи мы стараемся не вспоминать. И вспоминаем обычно, только если пьяны, и то отгоняем их побыстрей. Потому что мало ли, может быть, оно вовсе не смешно. И когда-нибудь вдруг окажется, что это настолько серьёзно. Как будто тебе снова двадцать. И весь этот громадный промежуток жизни, прошедший с того момента до этого, и то, что в итоге есть у тебя сейчас – это то же самое, что было тогда, в те самые двадцать.

Вдруг раз! И эти дом, машина, кто-то... это всё... жестоко сказать «не существует». Оно существует. Но ты понимаешь, что по-настоящему у тебя есть лишь то, что было тогда. И вот

это на самом деле как-то очень серьёзно.

А может быть, я вообще не сошёл с ума недавно? Может быть, я всегда был сумасшедшим? От того и излагаю свои мысли как-то бессвязно.

Знаете все эти теории о том, что Вселенная исполняет наши желания? Только выглядит это в итоге не так, как мы представляли. Я всегда хотел себе такую жизнь: странные люди вокруг. Они такие милые. Гораздо милее, чем все эти бухгалтера, офисные служащие и прочие организмы. Нет. Все эти чудаки видят какие-то потаенные грани этого мира. Пусть странные, нелепые, неожиданные. Пусть у этих людей плохо с деньгами и их никто не понимает. Но они такие милые, эти ребята. Которые на последние деньги едут в Тибет. Или в Юго-Восточную Азию, чтобы просто жить. Или в большой город снимать фильм, хотя у них нет ничего для этого. Или пишут книгу. Или пьют кофе, стоя в маршрутном автобусе. В общем, делают что-то, что непонимается всеми.

Второе: я хотел путешествовать. Да, изъездить полмира. Причем меня всегда манили красивые названия. Не важно, что там, но если это красиво звучит, значит, там есть что посмотреть. Куала-Лумпур. Сантьяго-де-Чили. Плато Ман-Пупу-Нер. Тристан-да-Кунья. Даже не обязательно длинно и через дефис. Вот, например, красивое название испанского города Толедо. Или какой-нибудь маленький американский городок. Какой-нибудь Литлтон. Вы думаете, там нечего смотреть? Это только если вы не видите детали. Я все-

гда умел подмечать детали. Поэтому я хотел путешествовать просто, по факту. В города, посёлки, придорожные гостиницы. В любом месте есть кафе, где можно заказать кофе, сесть за столик у окна и увидеть его – целый мир за стеклом, со своей суетой, какими-то жизнями, словами, чувствами.

Впрочем, я увлёкся лирикой. Третье, что я хотел – это непыльную работёнку. Пусть опять же странную, необычную, непонятную большинству, но которая бы нравилась мне. Вот так. Общаться с чудиками, работать, путешествовать и просто жить. Без всего этого говна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.